

ИВ. БУНИНЪ

ВЪ НОЧНОМЪ МОРЪ

Пароходъ, шедшій изъ Одессы на Кавказъ, остановился ночью передъ Евпаторіей.

На пароходѣ и возлѣ него образовался сущій адъ. Грохотали лебедки, яростно кричали и тѣ, что принимали грузъ, и тѣ, что подавали его снизу, изъ огромной баржи; съ крикомъ, съ дракой осаждала пассажирскій трапъ и, какъ на приступъ, съ непонятной, бѣшеной поспѣшностью, лѣзла вверхъ со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная надъ площадкой трапа, рѣзко освѣщала густую и беспорядочную вереницу грязныхъ фесокъ и тюрбановъ изъ башлыковъ, вытаращенные глаза, пробивавшіяся впередъ плечи, судорожно цѣплявшіяся за поручни руки; стонъ стояль и внизу, возлѣ послѣднихъ ступенекъ, поминутно заливаемыхъ волной; тамъ тоже дрались и брали, оступались и цѣплялись, тамъ стучали весла, шибались другъ съ другомъ лодки, полныя народа, — онѣ то высоко взлетали на волгибъ, то глубоко падали, исчезали въ темнотѣ подъ бортомъ. А дельфиноподобную тушу парохода упруго, точно на резинѣ, валило то въ одну, то въ другую сторону...

Наконецъ, стало стихать.

Очень прямой, съ прямыми плечами господинъ, поднявшійся на палубу въ числѣ послѣднихъ, подаль возлѣ рубки перваго класса свой билетъ и сакъ лакею и, узнавъ, что мѣсть въ каютахъ нѣтъ, прошелъ на корму. Тутъ было

темно, стояло нѣсколько полотняныхъ кресель, и только въ одномъ изъ нихъ чернѣла фигура полулежащаго подъ пледомъ человѣка. Новый пассажиръ выбралъ себѣ кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кресло было низкое, и, когда онъ сѣлъ, парусина натянулась и образовала очень удобный и пріятный уютъ. Пароходъ поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало теченіемъ. Дулъ мягкій вѣтерокъ южной лѣтней ночи, слабо нахнуцій моремъ. Ночь, по лѣтнему простая и мирная, съ чистымъ небомъ въ великихъ скромныхъ звѣздахъ, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекіе огни были блѣдны и потому, что часъ былъ поздній, казались сонными. Вскорѣ на пароходѣ и совсѣмъ все пришло въ порядокъ, послышались уже спокойные командные голоса, загремѣла якорная цѣпь... Потомъ корма задрожала, зашумѣла винтами и водой. Низко и плоско разсыпанные на далекомъ берегу огни поплыли назадъ. Качать перестало...

Можно было подумать, что оба пассажира спятъ, такъ неподвижно лежали они въ своихъ креслахъ. Но нѣтъ, они не спали, они пристально смотрѣли сквозь сумракъ другъ на друга. И, наконецъ, первый, тотъ, у котораго ноги были покрыты пледомъ, просто и спокойно спросилъ:

— Вы тоже въ Крымъ?

И второй, съ прямыми плечами, не спѣша отвѣтилъ ему тѣмъ-же тономъ:

— Да, въ Крымъ и дальше. Побуду въ Алупкѣ, потомъ поѣду въ Гагры.

— Я васъ сразу узналъ, — сказалъ первый.

— И я васъ узналъ и тоже сразу, — отвѣтилъ второй.

— Очень странная и неожиданная встрѣча.

— Какъ нельзя болѣе.

— Собственно, я не то, что узналъ васъ, а у меня какъ-будто уже заранѣе тайлось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, такъ что и узнавать было не нужно.

— Совершенно то-же самое испыталъ и я.

— Да? Очень странно. Какъ тутъ не сказать, что въ жизни все таки бываютъ минуты — ну, необыкновенныя, что-ли? Жизнь, можетъ быть, не такъ ужъ проста, какъ кажется.

— Можетъ быть. Но вѣдь можетъ быть и другое: то, что мы съ вами просто вообразили сію минуту эти чувства нашего якобы предвидѣнія.

— Можетъ быть. Да, весьма возможно. Даже скорѣе всего, что такъ.

— Ну вотъ видите. Мы умствуемъ, а жизнь, можетъ быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчасъ возлѣ трапа. Куда эти дураки такъ спѣшили, давя другъ друга?

И собесѣдники немного помолчали. Потомъ снова заговорили.

— Сколько мы съ вами не видались? Двадцать три года? — спросилъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ.

— Да, почти такъ, — отвѣтилъ второй. — Осенью будетъ ровно двадцать три. Намъ съ вами это очень легко подсчитать. Почти четверть вѣка.

— Большой срокъ. Цѣлая жизнь. То-есть я хочу сказать, что обѣ наши жизни уже почти кончены.

— Да, да. И что-же? Развѣ намъ страшно, что кончены?

— Гмъ! Конечно, нѣтъ. Почти ничуть. Вѣдь это все враки, когда мы говоримъ себѣ, что страшно, то-есть когда мы стараемся пугаться, что вотъ, молъ, жизнь прожита и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ придется лежать въ могилѣ. А вѣдь подумайте: въ могилѣ. Не шуточная вещь.

— Совершенно вѣрно. И я даже гораздо больше скажу. Вы вѣдь знаете, вѣроятно, какъ я, что называется, знаменитъ въ медицинскомъ мірѣ?

— Кто-жъ этого не знаетъ! Конечно, знаю. А что вашъ покорный слуга тоже прославился, вамъ извѣстно?

— Ну, разумѣется. Можно сказать, вашъ поклонникъ.

— Да, да, двѣ знаменитости. — Ну, такъ что вы хотѣли сказать?

— А то, что, благодаря своей знаменитости, то-есть нѣкоторымъ знаніямъ, не Богъ вѣсть какой мудрости, но все таки довольно основательнымъ, я знаю почти безошибочно, что жить мнѣ осталось даже и не десять лѣтъ, а нѣсколько мѣсяцевъ. Ну, самое большое — годъ. У меня достовѣрно установленная и мною самимъ и сотоварищами по ремеслу смертельная болѣзнь. И увѣряю васъ, я все-таки живу почти какъ ни въ чемъ не бывало. Только саркастически усмѣхаюсь: хотѣлъ, изволите-ли видѣть, всѣхъ перещеголять въ знаніи всяческихъ причинъ смерти, чтобы славиться и великолѣпно жить, и на свою голову добился — великолѣпно узналъ свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали, — что вы, батенька, мы еще повоюемъ, чортъ возьми! — а тутъ какъ обманешь, какъ совершь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливаютъ въ откровенности, смѣшанной съ умиленіемъ и льстивостью: «Что-жъ, уважаемый коллега, не намъ съ вами хитрить... *Finita la comedia!*»

— Вы это серьезно? — спросилъ первый пассажиръ.

— Совершенно серьезно, — отвѣтилъ второй. — И вѣдь главное что? Какой-то тамъ Кай смертенъ, ergo умру и я, да вѣдь когда-то еще это будетъ! Но тутъ, къ сожалѣнію, дѣло совсѣмъ иное: не когда-то, а черезъ годъ. А много-ли времени годъ? Будущимъ лѣтомъ вы вотъ такъ-же будете плыть куда-нибудь по синимъ волнамъ оксана, а въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, будутъ лежать мои благородныя кости. Ну, и что-же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли объ этомъ и, что хуже всего, вовсе не вслѣдствіе какого-то тамъ мужества, которое видятъ во мнѣ студенты, когда я расписываю имъ свою болѣзнь и ея теченіе, какъ нѣчто интересное съ клинической точки зрѣнія, а просто такъ, по какому-то идиотическому безчувствію. Да ничего

не чувствую и всѣ окружающіе меня, знающіе мою роковую тайну. И вотъ вы, напримѣръ, — развѣ вамъ страшно за меня?

— Страшно ли за васъ? Нѣтъ, сознаюсь, — въ сущности нисколько.

— И, конечно, ни чуть не жаль меня.

— Нѣтъ, и не жаль. И при томъ вы, я думаю, нисколько не вѣрите въ тѣ блаженныя мѣста, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а только райскія яблоки?

— Ну, какая тамъ у насъ съ вами вѣра...

И опять оба помолчали. Потомъ вынуди портсигары, закурили.

— И вѣдь замѣтите, — сказалъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ: — мы вѣдь съ вами ничуть не рисуемся, ничуть не играемъ сейчасъ ни другъ передъ другомъ, ни передъ воображаемымъ слушателемъ. Говоримъ мы, право-же, очень просто и безъ всякаго предумышленнаго циниза, безъ всякаго ѣдкаго хвастовства, въ которомъ все-таки есть всегда нѣкая компенсация: вотъ, моль, извольте взглянуть, въ какомъ мы положеніи — ни у кого такого нѣтъ. Мы и бесѣдуемъ просто и умолкаемъ безъ всякой значительности, безъ всякой стоической мудрости. Говоря вообще, болѣе сладострастнаго животнаго, чѣмъ человѣкъ, нѣтъ на землѣ, хитрая человѣческая душа изо всего умѣетъ извлекать самоуслажденіе. Но въ нашемъ съ вами случаѣ я даже и этого не вижу. И это тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь надо прибавить къ нашему, какъ вы выражаетесь, идиотическому безчувствію еще всю особенность нашихъ съ вами отношеній. Мы вѣдь съ вами ужасно тѣсно связаны. То есть, точнѣе говоря, должны были бы быть связаны.

— Еще бы! — отвѣтилъ второй. — Какой ужасъ, въ сущности, причинилъ я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который

переживаетъ мужчина, любовникъ, мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти непрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самолюбія, страшныхъ ревнивыхъ представлений о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задушить съ самой лютой ненавистью и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще несказанно ужасно. А вѣдь я къ тому же не совсѣмъ обычный человѣкъ, особъ съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ.

— Неужели годовъ?

— Увѣряю васъ, что не менѣе трехъ лѣтъ. Да и потомъ еще долго каждое воспоминаніе о васъ и о ней, о вашей съ ней близости, обжигало меня точно каленнымъ желѣзомъ. Да оно и понятно. Ну, отбилъ человѣкъ, на примѣръ, невѣсту — это еще туда сюда. Но любовницу или, какъ въ нашемъ случаѣ, жену! Ту, съ которой ты, извиливте за прямоту, спалъ, всѣ особенности тѣла и души которой знаешь, какъ свои пять пальцевъ! Подумайте, какой тутъ просторъ ревнивому воображенію. Какъ перенести обладаніе ею другимъ? Все это просто выше человѣческихъ силъ. Изъ-за чего же я чуть не спился, изъ-за чего надорвалъ здоровье, волю? Изъ-за чего потерялъ пору самаго яркаго расцвѣта силъ таланта? Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто пополамъ переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежняго меня все равно уже не было, да и не могло быть. Вѣдь, въ какую святая святыхъ всего моего существованія вторглись вы! Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодхару, у которой «былъ станъ богини и глаза лани весной», натворилъ, возбужденный ею, чортъ знаетъ чего въ состояніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, на примѣръ, изъ

лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчужное ожерелье, обвилъ имъ Ясодхару и сказалъ: «Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда былъ я сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя!» На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: «Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя!» — Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ на счетъ вспомнившей души и въ то, какой это ужасъ, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. Кто знаетъ — я, можетъ быть, тоже выстрѣлилъ бы такъ, что было бы слышно на тысячи миль. И вотъ, вдругъ явились вы...

— Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь? — спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести?

— Представьте себѣ: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужасъ, ужасъ. Вотъ тебѣ и «вспомнила душа моя!» Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то-есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

— Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

— А намъ все таки нестрашно. Сплошной ужасъ: совсѣмъ не страшно.

— Да, въ сущности, ничуть. Говорятъ: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жилъ когда-то...

И собесѣдники еще разъ помолчали. Пароходъ дрожалъ, шель; мѣрно возникалъ и стихалъ мягкій шумъ сонной волны, проносившейся вдоль борта; быстро, однообразно кру-

тилась за однообразно шумящей кормой бичева лага, что-то порою отмѣчавшаго тонкимъ и таинственнымъ звономъ: дзининь... Потомъ пассажиръ съ прямыми плечами спросилъ:

— Ну, а скажите... Что вы чувствовали, когда узнали о ея смерти? Тоже ничего?

— Да, почти ничего, — отвѣтилъ пассажиръ подъ пледомъ. — Больше всего мнѣ некоторое удивленіе своему безчувствію. Развернулъ утромъ газету — слегка ударило въ глаза: волею Божіею, такая-то... Съ непривычки очень странно видѣть имя знакомаго, близкаго въ этой черной рамкѣ, на этомъ роковомъ мѣстѣ газеты, напечатанное торжественно, крупнымъ шрифтомъ... Затѣмъ постарался за грустить: да, моль, и это-та самая, которая... Но —

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно я внималъ ей...

Даже и грусти не вышло. Такъ только, слабая жалость какая-то... А вѣдь это была та самая, которую «вспомнила душа моя», была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой довѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта довѣрчивая безпомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ-то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она истинно все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то-есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно миллионы разъ цѣловалъ я въ такомъ изступленіи, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходилъ я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ яро-

сти уничтожалъ лучшихъ, цѣннѣйшихъ, можетъ быть, работы... Но вотъ прошло двадцать лѣтъ — и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ, тупо представляю себѣ ее въ гробу... Представленіе неприятное, но и только. Увѣряю васъ, что только. Да и вы теперь, — теперь, конечно, — развѣ вы что-нибудь чувствуете?

— Я? Да нѣтъ, что-жъ скрывать? Конечно, почти ничего...

Пароходъ шель; съ шипѣніемъ возникла впереди волна за волной, съ плескомъ пронеслась мимо, по бортамъ, однообразно шумѣла и кипѣла блѣдно-снѣжная дорога, тянувшаяся за кормой. Дуля сладкій вѣтеръ, звѣздный узоръ неподвижно стоялъ въ вышинѣ, надъ черной трубой, надъ снастями, надъ тонкимъ остриемъ передней мачты...

— Но знаете, что? — внезапно сказалъ первый пассажиръ, какъ бы очнувшись: — знаете, что главное? Это то, что я никакъ не могъ связать ее, умершую, съ той другой, о которой я вамъ только что говорилъ. Ну, никакъ. Совершенно никакъ. Та, другая, была совсѣмъ особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовалъ къ ней, къ той, другой, — совершенная ложь. Такъ что я не точно говорилъ. Совсѣмъ не то и не такъ.

Второй подумалъ.

— Ну и что же? — спросилъ онъ.

— А то, что почти весь нашъ разговоръ идетъ на смарку.

— Охъ, на смарку-ли? — сказалъ пассажиръ съ прямыми плечами. — Та, другая, какъ вы выражаетесь, есть просто вы, ваше представленіе, ваши чувства, ну, словомъ, что-то ваше. И значить, трогали, волновали вы себя только самимъ собой. Разберитесь-ка хорошенько.

— Вы думаете? — Не знаю. Можетъ быть... Да, можетъ быть...

— Да и долго-ли вы волновались и самимъ-то собой? Десять минутъ. Ну, полчаса. Ну, день, наконецъ.

— Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И гдѣ она теперь? Вотъ тамъ, въ этомъ прелестномъ небѣ?

— Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, другъ мой. Скорѣе всего, что нигдѣ.

— Вы думаете? Да, да... Скорѣе всего, что такъ...

Равнина открытаго моря почти чернымъ кругомъ лежала подъ легкимъ и свѣтлымъ куполомъ ночного неба. И затерянный въ этой круглой чернѣющей равнинѣ, маленькій пароходъ тупо и неуклонно держалъ свой путь. И безъ конца тянулась за нимъ сонно кипящая, блѣдно-млечная дорога, туда, въ даль, гдѣ ночное небо сливалось съ моремъ, гдѣ горизонтъ, въ силу противоположности съ этой млечностью, казался темнымъ, печальнымъ. И крутилась, крутилась бичева лага и печально и таинственно что-то отмѣчаль, отмѣчаль порою тонкій звонъ: дзи-инь...

Помолчавъ еще нѣкоторое время, собесѣдники негромко и просто сказали другъ другу:

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Ив. Бунинъ.

ИВ. БУНИНЪ

СТИХИ

Была весна и жизнь была легка.
Зіяла адомъ свѣжая могила,
Но жизнь была легка, какъ облака,
Какъ тотъ дымокъ, что вѣялъ изъ кадила.

Земля, какъ зацвѣтающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стихъ и первая любовь
Пришли ко мнѣ съ могилой и весною.

Гдѣ этотъ взоръ, сіявшій небомъ мнѣ?
Гдѣ та весна и гробныя рыданья?
Одинъ погостъ въ далекой сторонѣ,
Одинъ призывный сонъ воспоминанья!

И что ни годъ, тѣмъ все призывнѣй онъ,
Все радостнѣй, все чище и нетлѣннѣй,
И ужь другой, нездѣшній небосклонъ
Сіяетъ мнѣ красой своей весенней.

И это ты, простой степной цвѣтокъ,
Забутый мной, отцвѣтшій и безвѣстный,
Ты первая взошла на мой порогъ,
На утро дней попрала смерть, какъ Богъ,
И увела въ міръ вѣчный и чудесный!

Ив. Бунинъ.

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль времянь,
И счастье жизни вѣчно новой
И о быломъ счастливый сонъ.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянци водъ.

И дымка млечнаго опала
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчный взоръ, и опахало,
И ожерелье изъ коралла
Подъ катафалкомъ водянымъ.

Ив. Бунинъ.

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

СОЛНЦЕ МЕРТВЫХЪ